

Вызов брошен!

Со Свердловской опереттой я впервые встретился во время ее гастролей во Львове. Это было летом 1963 года. Спустя год, они приехали к нам в Москву. С каким огромным интересом я и мои друзья знакомились с искусством этого замечательного коллектива! Помню, как мы возвращались со спектакля «Камарго» Ш. Лекока, и моя спутница сказала мне: «Здорово поют! Такое впечатление, что это оперный коллектив, а отнюдь не музыкальная комедия. Какие великолепные голоса у солистов. Это поистине театр, в котором поют, как в опере, а танцуют, как в балетном театре». Это мнение разделили многие мои друзья, родные, знакомые, которые побывали на спектаклях Свердловской оперетты.

Свердловчанином я стал совсем недавно, только в 1965 году. Если хотите знать, мой приезд в Свердловск тоже был в какой-то мере определен любовью к искусству. Я не мог себе представить жизни без Москвы, где-то в другом городе. Но когда я подумал, что на Урале есть замечательный оперный театр и мой самый любимый — оперетты, я решил поехать в Свердловск. К тому времени я уже окончательно распрощался с любовью к Московской оперетте и отдал свое сердце Свердловской. Не знаю, как официальная пресса и критика, но для себя лично я поставил этот театр на самое верхнее место среди коллективов этого жанра, даже знаменитая Будапештская оперетта не смогла бы, по моему, выдержать этого конкурса.

И вот я на Урале. Хорошо изучил репертуар оперного театра и театра драмы, и хотя почти все спектакли музыкальной комедии мне были знакомы, я снова шел смотреть их.

Играли на сцене те же, уже ставшие дорогими мне артисты и играли очень неплохо, но пропало где-то чувство особой приподнятости, своеобразной праздничности, которые царили на гастрольных спектаклях в Москве и во Львове. Появился какой-то налет обыденности, отношение к творчеству на сцене как к какой-то повседневной и немного надоевшей работе. Я для себя объяснил это тем, что на гастрольях театр встречается с новым зрителем, новыми людьми, а это всегда как-то волнует — отсюда и особая приподнятость. Дома же, перед своим зрителем, этой взволнованности и подъема нет — привычный, до мелочей знакомый зал, свои, почти постоянные зрители как-то успокаивают и делают всех немного равнодушными, играющими больше не внутренними посылами, а скорее технически правильно исполненным рисунком роли. И мне хочется спросить у театра: стоит ли так обижать своих земляков, ведь именно они — ваши самые верные поклонники? Так не будьте же равнодушными к ним, идите на каждый спектакль, как на праздник! (Кстати говоря, будничная успокоенность, по моему, — общая болезнь свердловских театров).

Особенно меня поразило и даже обидело несколько фривольное отношение к классике. Классика люди смотрят и слушают по несколько раз, они ее хорошо знают, любят и при случае стараются снова с ней встретиться. Такая (прямо скажу, неприятная) встреча произошла у меня 12 февраля утром на спектакле «Сильва». Мало того, что спектакль весь был какой-то вялый, движение актеров по сцене неуверенное, так во втором акте актриса Р. Антонова преподнесла еще один сюрприз: она умудрилась забыть многие отрывки текста в дуэте Эдвина и Стасси. В результате — безобразные текстовые накладывания либо молчание на сцене. Большой такт и профессионализм С. Духовного позволили несколько сгладить впечатление, но все же осадок остался.

Как видите, я уже начал ругать свой любимый театр. И действительно, театр последнее время стал вызывать у меня беспокойство. Он с легкостью потерял всего за один-полтора года много

ведущих актеров и актрис, таких, как В. Генин, Н. Челышева, П. Яновицкая, А. Кузнецова, В. Фыгин и другие. А ведь они были ведущими исполнителями репертуара.

Театр получил взамен новых молодых актеров и актрис, их пришлось срочно вводить в репертуар, в результате что-то в свое время найденное старым составом сломано, потеряно и не восполнено. Вопрос не в том, что те актеры уехали, появились новые, вопрос в том — надолго ли к нам приехали эти новые? Ведь вот сейчас опять поговаривают, что собирается в Москву Ю. Осипов. В чем причина такой текучести? Может быть, актеров не устраивает репертуарная политика театра?

Мне, например, кажется, что в поисках нового, театр неоправданно забывает о классике. Сейчас из классики в театре оперетты можно назвать только «Сильву» и «Принцессу цирка», «Дьявольского наездника» и «Свадьбу в Малиновке», которые идут на сцене очень редко. Можно приветствовать, что театр обещает в ближайшее время показать оперетту Зуппе «Донья Жуанита» и поставить «Сына клоуна» Дунаевского. Зато за последнее время появилась целая серия довольно серых и неинтересных спектаклей типа «Улыбнись, Света» или «Счастливей рейс». На эти спектакли раз сходишь, а во второй раз не поманит, а надо, чтобы манило и во второй, и в третий. Даже последний спектакль

театра — «Дамы и гусары», прямо скажем, нельзя считать большим достижением.

На мой взгляд, надо, чтобы на сцене театра были возобновлены и больше не пропадали на длительный период из репертуара «Марица» и «Баядерка», «Фиалка Монмартра» и «Веселая вдова», «Граф Люксембург», «Цыганская любовь»... а из советских оперетт «Вольный ветер», «Белая акация», «Трембита» и др. Почти вся эта классика шла на сцене театра, об этом говорит история. Но раз это так, то надо идти по пути оперного театра — создать устойчивый и четкий классический репертуар, так сказать, своеобразный «НЗ», и уже не терять его, все время держать в готовности. А кроме этого НЗ, иметь, разумеется, текущий репертуар. Ну, а если в текущем репертуаре появился хороший, интересный спектакль, вроде «Черного дракона», то тут же включить его в НЗ и хранить вместе с другими из классики.

Это не рецензия * * * даже не письмо, а скорее отрывочные наброски рядового зрителя, каким я и являюсь. Мое послание продиктовано единственным желанием, чтобы наши свердловские театры всегда были на высоком уровне и в почете у зрителей, чтобы актеры из свердловских театров не стремились уехать в другой город, потому что там интереснее работа, а чтобы, наоборот, считали за большую честь работать в Свердловске, учиться здесь у мастеров сцены. Тогда очень многое они смогут сделать для становления культуры города и страны.

С уважением В. ШЕСТАКОВ,
доцент Уральского университета.

Перчатка поднята

Письмо В. Шестакова по просьбе редакции было зачитано на художественном совете театра. Мне, не раз бывавшей здесь раньше, знакома та обычная атмосфера, когда деловое выступление прерывается чьей-то репликой, веселой шуткой, актеру трудно удержаться от меткого замечания, остроумной фразы. На этот раз обсуждение шло с необычайной серьезностью. Чувствовалось, что письмо задело коллектив, взволновало, взбудоражило мысли. Кто-то, правда, пытался вначале шутить, но ему заметили, что юмор сейчас неуместен...

Все согласилось, что письмо, написанное искренним другом театра, бьет по самым больным местам. В нем нет особых «открытий» для театра, но оно как бы фокусирует то, о чем не раз уже говорилось на творческих обсуждениях, общих собраниях.

Да! В свердловской оперетте, к сожалению, есть сейчас... два театра. Один — праздничный, нарядный, заставляющий зрителей восхищаться ярким искусством, другой — будничный, в чем-то приземленный. Один театр можно видеть на премьерных спектаклях или на гастролях в Москве, о нем пишут хвалебные рецензии. Другой — в обычной повседневности, когда на спектаклях забывается текст, снимаются какие-то арии, когда видны технические накладывания. Объектом авторской критики стала молодая актриса Антонова. Но что душой кривить, говорилось на обсуждении, есть и более опытные актеры, которые грешат этим. Порой отсебятина идет оттого, что актеры разучивали тексты в разных редакциях. Один герой поет куплеты свердловского театра, другой, из вновь пришедших, — пятигорского театра и т. д. Это результат и частой сменяемости исполнительцев, и низкой требовательности художественного руководства.

— Очень верное замечание относительно праздничности и будничности наших спектаклей, — заметил артист С. Духовный. — Мы порой идем на спектакль, как на работу, как к станку. Зритель вправе упрекать нас за это. Но ведь он, зритель, не знает, да, вероятно, и не

должен знать, что у нас, актеров, велика нагрузка, что репетиции накануне затянулись допоздна, что ввод на эту роль оказался неожиданным и т. д.

Если у Духовного еще звучали какие-то оправдательные нотки, то последующие выступления режиссера Л. Невлера, артистки М. Вика и других были более резки и бескомпромиссны:

— Закулисные трудности зрителя не должны касаться! Помните слова Станиславского: каждый вечер играть нужно так, как будто бы завтра другого спектакля не будет!

Теперь о репертуаре, в частности, о пропорциях в нем классики. Бесспорно, без классики невозможен творческий рост актера, совершенствование его вокального мастерства, умение носить костюм и т. д. Но если исходить из реальных возможностей, театр может поставить в сезон лишь определенное количество новых спектаклей. Возобновить сегодня «Баядерку» или «Фиалку Монмартра» — значит отказаться от «Белой ночи» или «Сына клоуна». Наш театр всегда славился пристальным вниманием к современным произведениям, его назвали «лабораторией советской оперетты». Отказываться от этой линии никак нельзя!

Но замечание справедливо в той части, что за последние два года резко обозначился отход от классики вообще. Ее и в самом деле потеснили такие «проходные» спектакли, как «Предел моих мечтаний», «Счастливей рейс», «Улыбнись, Света».

Очевидно, истина лежит здесь где-то посередине. Как образно заметил главный режиссер театра В. А. Курочкин, репертуар не должен походить на акробата, который долго держит стойку на одной руке. Сейчас театр готовит прекрасную оперетту Зуппе «Донья Жуанита» — очень музыкальную, очень веселую.

— Мы долго, — сказал В. Курочкин, — нацеливались на классическую оперетту и, кажется, в выборе не ошиблись. Для свердловского, для советского зрителя это свежее, неизвестное произведение. Оно станет хорошей школой для новых, молодых актеров.

Новые, молодые... Мы рады, что коллектив свердловской оперетты обновляется за счет способных студентов консерватории, молодых артистов. Но тут обсуждение подходит, пожалуй, к самому трудному вопросу — текучести кадров. Чем она вызвана, эта текучесть? В каждом отдельном случае, наверное, есть свои причины. К сожалению, даже члены худсовета не всегда могут объяснить, почему пришлось расстаться с тем или иным героем, и над этим, видимо, руководству стоит задуматься, глубже проанализировать причины создавшегося положения.

Но в ряде случаев повинны сами молодые актеры. Успех коллектива кружит им голову, порождает необоснованные претензии, сомнения. Театр уже дважды прощался и снова принимал в свои ряды артистов Гениных. В последнем их желании возвратиться на свердловскую сцену было отказано. Нельзя так легко переступать интересы коллектива и города. Кстати говоря, слухи об отъезде Ю. Осипова лишены всяких оснований.

И еще два момента, которые, хотя и выходят за рамки письма тов. Шестакова, но занимали при обсуждении большое место. Первый — о показе по телевидению, о том, что театр выходит на голубой экран не с лучшими, а порой худшими своими спектаклями, и о том, что сама техника показа оставляет желать лучшего. Это упрек руководству театра и студии.

И второе — о зрителе, том самом свердловском зрителе: умном, чутком и требовательном, которому воспето столько дифирамбов всеми приезжими гастролерами.

— Я счастлив, — признался артист Г. Энгель, — если в зрительном зале сидят хотя бы 20 таких горячо заинтересованных зрителей, как Шестаков, а остальные просто доброжелательные. Это должно нас вдохновлять.

— Надо еще иметь мужество слушать критику такого зрителя, — добавил А. Маренич.

Ну что ж, в данном случае критика выслушана и принята.

Сегодня в свердловской оперетте уживаются два разных театра. Так пусть же будет один — и не средний, а самый лучший. Такой, который доставит радость и актерам, и горячим поклонникам веселого жанра!

В. СТРОВСКАЯ.

Вечерний Свердловск
1. Свердловск

20 МАР 1967